

С. А. Фостова

**ПИСАТЕЛЬ СЕРГЕЙ СНЕГОВ
И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ
В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
(1950—1970-е ГОДЫ)¹**

На основе не исследованных ранее архивных документов и материалов региональной прессы рассматриваются история создания «романа о Калининграде» С. А. Снегова «Ветер с океана» и его исторические сюжеты. С помощью анализа протоколов заседаний областного отделения Союза писателей и редакционных советов Калининградского книжного издательства, а также рецензий писателей на несколько вариантов рукописи выявляется механизм использования художественной литературы как инструмента политики памяти. Сопоставление нескольких вариантов рукописи между собой, а также с опубликованным текстом произведения позволили реконструировать изначальный замысел романа и его изменения в ходе редакторских правок, устранения замечаний и действия самоцензуры на протяжении одиннадцати лет. Заказав известному писателю С. А. Снегову роман по современной тематике, региональное издательство и руководство местной писательской организации тщательно отслеживали и корректировали характер представления автором довоенной истории города и образы советского Калининграда. В условиях отсутствия утвержденного регионального исторического нарратива и из-за опасений допустить политические ошибки надзирающие инстанции вынудили автора отказаться от нескольких посвященных истории края сюжетных линий. В результате этого произведение, изначально задуманное как рассказ о судьбах города и его жителей в прошлом и настоящем, превратилось в традиционный для советской литературы производственный роман, повествующий о достижениях и проблемах океанического лова и повседневной жизни калининградских рыбаков.

On the basis of previously unexplored archival documents and materials of the regional press, the author considers the history of the creation of the "novel about Kaliningrad" by S. A. Snegova "Wind from the Ocean", as well as the historical plots of the work. By analyzing the minutes of the meetings of the Kaliningrad branch of the Writers' Union, the editorial councils of the Kaliningrad book publishing house and reviews of writers on several versions of the manuscript, the mechanism of using fiction as a tool for the politics of memory is revealed. Comparison of several versions of the manuscript with each other, as well as with the published text of the work, made it possible to reconstruct the original concept of the novel and its changes in the course of editorial

¹ Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249-21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении».

changes, comments and self-censorship over the course of eleven years. Having ordered the famous writer S. A. Snegova, a novel on contemporary topics, the regional publishing house and the leadership of the local writers' organization carefully monitored and adjusted the character of the author's presentation of the pre-war history of the city and the images of Soviet Kaliningrad. In the absence of an approved regional historical narrative and fears of making political mistakes, the oversight authorities forced the author to abandon several storylines devoted to the history of the edge. As a result, the work, originally conceived as a story about the fate of the city and its inhabitants in the past and present, turned into a production novel, traditional for Soviet literature, telling about the achievements and problems of ocean fishing and the daily life of Kaliningrad fishermen.

Ключевые слова: история Калининградской области, политика памяти, советская художественная литература, С. А. Снегов

Keywords: history of the Kaliningrad region, politics of memory, Soviet fiction, S. A. Snegov

Политика памяти в Калининградской области в советский период характеризовалась главным образом отрицанием немецкого наследия на фоне утверждения в духе палимпсеста в городском пространстве и публичном дискурсе новых советских символов и смыслов [10; 13; 14]. Политика памяти влияла на интерпретацию истории края, особенно довоенную: последняя была сокращена до справочной информации об успехах русского оружия на территории Пруссии. Такой нарратив транслировался посредством музейных экспозиций, пропагандистских лекций, немногочисленных краеведческих изданий и туристических путеводителей. Большинство названных проявлений политики памяти в той или иной степени были предметом исследования специалистов, чего нельзя сказать о художественной литературе, которая, по справедливому замечанию И. О. Дементьева, «пользуется меньшим признанием со стороны исследователей» [9, с. 63].

Художественная литература как исторический источник неоднократно рассматривалась в отечественной историографии (напр., [1; 11; 18; 19; 26]). Изучение процесса создания литературных произведений, затрагивающих историческую тематику, обогащает наше знание как о механизмах внешнего воздействия на писателя, так и о специфике проводимой властями политики памяти.

Целью настоящей статьи является изучение характера взаимодействия творческого работника и подконтрольных государству институтов на примере создания писателем С. А. Снеговым романа «Ветер с океана» как элемента политики памяти в Калининградской области.

Исследование выполнено на основе документов Калининградского отделения Союза писателей РСФСР и личного фонда С. А. Снегова в Государственном архиве Калининградской области, а также периодической печати и материалов семейного архива писателя, доступ к которым был предоставлен потомками писателя Е. С. Ленским и Т. С. Ленской.

В статье используются общеисторические методы исследования. Среди них следует выделить метод сравнения, применявшийся при сличении двух версий черновики романа (архивного и находящегося в распоряжении семьи писателя). При отсутствии самой первой рукописи возникла необходимость так или иначе обращаться к ретроспективному методу. Кроме того, следует отметить важный в силу специфики темы биографический метод, который способствует лучшему пониманию происходивших процессов.

В поисках сюжета

Роман «Ветер с океана» в творческой биографии С. А. Снегова почти не упоминается. Сам писатель вошел в историю отечественной литературы в первую очередь как фантаст, а не исторический романист. После переезда в Калининград в 1956 г. и публикации повести «В полярной ночи» (1957) в ведущем литературном журнале страны «Новый мир» С. А. Снегов стал одним из ведущих членов новообразованного Калининградского отделения Союза писателей СССР¹.

В 1960 г. С. А. Снегов возглавил один из семинаров на первом совещании молодых и начинающих литераторов в Калининграде. На этом собрании руководитель писательской организации К. С. Бадигин объявил, что С. А. Снегов интересуется темой «индустриального строительства и творческого решения связанных с этим технических проблем» [6, д. 2, л. 4]. Не все его произведения признавались удачными, а вскоре заведующая отделом пропаганды и агитации областного комитета КПСС Цветкова и вовсе настоятельно порекомендовала С. А. Снегову побыстрее переключиться на местный материал, так как он «все еще живет под впечатлением от Севера»². Затем подобный укор прозвучал из уст К. С. Бадигина, заключившего, что «Снегов в какой-то мере начинает перепевать себя, повторяться» [Там же, л. 96; д. 14, л. 13].

Справедливости ради следует отметить, что игнорирование местной тематики было свойственно не только С. А. Снегову. В апреле 1962 г. секретарь обкома партии Д. Н. Никитина подчеркивала, что в Калининграде не появилось ни одного серьезного произведения о современнике ни в канун XXII съезда КПСС, ни после его проведения [6, д. 14, л. 14].

Пропуском в местную литературу для писателя стали морские сюжеты. Не реализовав идею написать книгу о калининградских рыбаках, заявленную в том же 1962 г., С. А. Снегов спустя четыре года по просьбе Калининградского драматического театра подготовил пьесу «А мы — рыбаки». Судя по основным сюжетным линиям этого драматического произведения, именно оно послужило прообразом будущего романа «Ветер с океана». Однако коллеги писателя оценили пьесу невысоко. Ю. Н. Иванов посчитал ее шаблонной, а В. П. Ерашов отметил: «Пьеса родилась не от жизненных наблюдений, а от голой схемы, сконструиро-

¹ В 1967 г. преобразовано в Калининградскую писательскую организацию.

² Работница обкома намекала на пребывание осужденного в 1936 г. писателя на Соловках и Норильске, где он оставался жить и после освобождения вплоть до реабилитации в 1955 г.

ванной за письменным столом. Схема так и не стала живой плотью. Люди в ней картонные, неживые, неумные» [Там же, д. 44, л. 6–9]. Несмотря на критику, пьеса была рекомендована к постановке.

Обращению к локальным темам способствовало и то, что с 1964 г. С. А. Снегова на несколько лет перестали печатать. Поводом тому послужил очерк журналистки Б. Боде в западногерманском издании «Остойропа» («Osteuropa») о новинках советской литературы. В обзор вместе с произведениями В. Некрасова, Б. Окуджавы и других попала повесть С. А. Снегова «Иди до конца» [22], в которой упоминался Христос. В свою очередь публикацию в германском журнале прокомментировала газета «Литературная Россия», написавшая, что С. А. Снегов «порадовал и обнадежил автора обзора (Б. Боде. — С. Ф.) темой Христа и христианского всепрощения, как философии, могущей, как ей кажется, заменить коммунистическую философию» [20, с. 11]. Этих строчек оказалось достаточно для того, чтобы, по выражению сына писателя Е. Ленского, отец «попал в черные списки» [16, л. 4].

Социальный заказ

Впервые о том, что Сергей Снегов сделал заявку на «калининградскую» повесть — «широкое полотно о жизни нашего города в пятидесятых-шестидесятых годах» [6, д. 44, л. 96], упоминается в отчете о работе писательской организации за 1966 г. Учитывая дефицит литературы о крае, книжное издательство решилось на беспрецедентный в своей практике случай прямого заказа романа у писателя, о чем сказал будущий глава издательства А. М. Старцев: «Это первый случай, когда мы заказали автору такую серьезную вещь. Это был риск и для издательства, и для автора. С. А. Снегов пошел нам навстречу» [5, д. 131, л. 13]. Этот жест также свидетельствовал о большом доверии к приезжему писателю. Впоследствии сам автор называл эту затею не иначе, как «социальный заказ на роман о Калининграде» [6, д. 79, л. 18].

Несмотря на тесное сотрудничество писателя и издательства, с момента заявки романа и до его публикации прошло 11 лет. Столь долгий срок, с одной стороны, можно объяснить тем, что автор часто переписывал свои тексты по несколько раз. С другой стороны, работа тормозилась из-за сложности и деликатности темы — истории Калининграда. К 1972 г. автор написал пять версий романа, и все равно, по его словам, «издатели легче печатают книги о чем угодно, чем о нашей земле». Такого же мнения придерживались писатели Ю. Иванов и А. Соболев, говоря о том, что «издательство на местную тему смотрит косо. <...> Социальный заказ — не в моде» [Там же, л. 18-19]. В условиях неоднозначности трактовки истории края издательство не хотело лишний раз рисковать.

До публикации романа С. А. Снегова на основе местного материала было завершено и, судя по протоколам писательской организации, находилось в разработке около десяти литературных произведений, посвященных событиям Восточно-Прусской операции 1945 г., послевоенному восстановлению городов и хозяйственному освоению края. Их герои, описываемые события и заложенные авторами смыслы должны были вписываться в рамки текущего политического курса для того, чтобы вы-

йти в свет. Так, например, по словам рецензента рукописи «Околоморье мое» П. Воробьева (опубликована в 1971 г.) В. М. Черносвитова, советские авторы были призваны дать отпор «западногерманским писакам» и их попыткам «выставлять нас не как восстановителей исторической справедливости, а как захватчиков чужих земель» [Там же, д. 62, л. 35]. Учитывать актуальный политический контекст нужно было и С. А. Снегову.

Автор скрупулезно подходил к сбору материала для своих произведений. Он, будучи человеком с широким кругозором, который своими глазами видел Калининград 1950-х гг., решает создать произведение, чтобы, по словам его дочери Т. С. Ленской, «показать [историю] жестко и реалистично, “показать правду”». Сам С. А. Снегов на собрании писательской организации 1969 г. упоминал, что подолгу сидел в архиве и «изучал приказы 45–47 годов, которые идут под грифом “секретно”», «встречался с командирами тех лет» [6, д. 62, л. 50–51].

Черновик рукописи, которая хранится в архиве, состоит из трех частей и насчитывает 796 листов машинописного и рукописного текста [7, д. 5–7]. Важно также зафиксировать, что у романа несколько раз менялось название: первоначально он фигурирует в документах как «Калининградская повесть» (1966), затем «Балтийская повесть» (1967), «Из дыма и пепла» (1968), «Город у моря» (1969), «Город в океане» (1969), «Ветер с океана» (1970).

Воплощение и критика

Сюжет романа начинается с того, что летом в начале 1950-х гг. в вымышленный Светломорск к политработнику порта Алексею Муханову приезжают отец и два брата — студент философского факультета МГУ Валерий и Михаил, желающий стать моряком. Глазам новоселов предстает сильно разрушенный в годы войны немецкий город. С городской средой контрастирует бурная жизнь в морском порту и рыбодобывающем тресте «Океанрыба», который включен в процесс расширения и модернизации промысла. На фоне происходящих перемен разворачиваются многочисленные личностные конфликты жен и мужей, отцов и детей, рассказывается о нерешенных социальных проблемах и моральных дилеммах, как, например, стремление к карьерному росту в ущерб нравственному долгу¹.

В варианте рукописи романа, хронологически предшествовавшей экземпляру из областного архива, присутствует также несколько любопытных исторических эпизодов. Так, к примеру, Валерий посещает руины «комтурского замка ордена крестоносцев» Бальга, где вспоминает о битве при Танненберге (Грюнвальде) 1410 г., когда был «положен предел яростному натиску на восток этих закованных в железо живых машин в плащах поверх брони», а также сравнивает с А. Гитлером великого магистра Тевтонского ордена У. фон Юнгингена. В следующей

¹ Некоторые из этих сюжетов вплоть до имен персонажей были заимствованы из более раннего творчества или за годы работы над «Ветром с океана» стали самостоятельными произведениями: сборник повестей и рассказов «Море начинается с берега» (1964), «Держи на волну» (1970), «Час мужества» (1971).

главе Валерий у памятника Шиллеру встречается «последнего идеалиста-кантианца на этой земле» — немецкого еврея Меерсона, с которым обсуждает взаимосвязь мировоззрения Канта и окружающей его среды, наполненной «нестерпимым филистерством и звериной воинственностью» [21, л. 144, 149].

Известна реакция на этот вариант рукописи романа. Она зафиксирована в протоколе редакционно-издательского совета Калининградского книжного издательства от 13 февраля 1968 г. Роман изобилует описанием руин областного центра, что, по мнению рецензентов, не соответствует действительности и может создать впечатление, что «мы критикуем то, что сделано». Среди прочего членов совета не устроили отсутствие положительного героя и общий «тяжелый фон», на котором выпукло были изображены «жулики» и «шваль», а также наличие сокрушительного шторма в море, который уносит множество человеческих жизней, что не поможет молодым людям «избрать море своей профессией после этой книги». Фрагмент о великом магистре было рекомендовано «значительно сократить», а встреча с Меерсоном была оценена наречиями: «натянута, привязано и надумано» [5, д. 131, л. 5, 7, 11].

Несмотря на положительные отзывы членов совета, в том числе А. И. Шрамм, и общей оценке о значимости проделанной С. А. Снеговым работы, решающее слово, прозвучавшее из уст начальника управления издательств облисполкома А. Н. Львова, было неутешительным: «Я ждал от рукописи большего и с сожалением прочитал последнюю страницу. Того, что ждал от Снегова, не получил» [Там же, л. 12].

Учитывая прозвучавшую критику и руководствуясь искренним желанием «вписаться в соцреализм» [17, с. 11], С. А. Снегов в каждой новой редакции избавлялся от многих деталей, сюжетных линий и даже персонажей. Так, из финальной версии романа «Ветер с океана» исчезли один из двух братьев Валерий и секретарь райкома Колокольцев, а вместе с ними и колоритный пласт размышлений о содержании и освоении немецкого наследия и исторически репрезентативные детали строительства нового Калининграда.

Ввиду этого читатель не узнал о «китобойной базе “Петр Великий”» и «Институте рыбного хозяйства и океанографии ОкеанНИРО», не оценил выводов, к которым пришел Валерий, написавший курсовую работу о философии Канта, не прочитал о приезде комиссии Госплана по строительству и комиссии по выявлению промышленных объектов с целью демонтажа вагонзавода, о поиске здания для будущего университета, переводе из Москвы в Калининград Института рыбной промышленности и хозяйства, о попытке бывшего кёнигсбержца Густава Гешке передать 400 марок в горисполком для ремонта бывшего своего дома на улице герцогини Агнессы и многом другом.

Цензура внутренняя и внешняя

С. А. Снегов отдавал себе отчет, что писатель — это «маленькая идеологическая организация» и что перед ним стоит задача «отображать рассвет нашей жизни, писать о той земле, на которой мы находимся» [6, д. 79, л. 17]. Поэтому он внимательно следил за расстановкой акцен-

тов и часто прибегал к эмоциональным оценкам, описывая, например, немецкую архитектуру («надменный замок, зловещие форты», «дом выглядел угрюмым и насупленным», «мрачная квартира около замка», «враждебный камень», «кривульки средневековых улиц») на контрасте с достижениями советских лет («светлое здание», «широкооконная школа», «радостные дома», «широкие проспекты»). В связи с этим заслуживают внимания примеры самоцензуры писателя.

В эпизоде, где братья Мухановы разговаривают о сносе башни Кёнигсбергского замка, Валерий в одном из первых вариантов рукописи задается вопросом: «А разве нельзя восстановить или хотя бы законсервировать руины?» На что Алексей напоминает о нерациональности использования денежных средств, которые могут быть потрачены для благоустройства жилых домов, да и сверх прочего, по мнению героя, «сам замок отвратителен, и жилой район вокруг него был ужасен» [7, д. 5, л. 8–9]. В последующей версии авторской рукой вычеркнуто слово «восстановить». Вероятно, это было сделано ради смягчения авторской позиции — он выступал за сохранение замка. Член писательской организации О. Б. Глушкин вспоминал, что на собрании интеллигенции, где обсуждалась ситуация с замком, С. А. Снегов встал, посмотрел на сцену, где висел плакат, на котором было написано, что искусство принадлежит народу и что его надо беречь, прочел вслух этот текст и выкрикнул: «Не дадим свершиться преступлению!» [8, с. 30].

В конце 1969 г. состоялось еще одно собрание, на котором мнениями о романе поделились коллеги-писатели. Покритиковав недочеты в хронологии и логические ошибки, книгу решили рекомендовать книжному издательству. Тем не менее этого одобрения для публикации оказалось недостаточно.

До 1976 г. пришлось еще несколько раз изменить текст. В семейном архиве С. А. Снегова сохранились две рецензии писателя А. Богданова на роман. Наибольший интерес представляет его разбор «специфичной темы Кёнигсберга». Рецензент скрупулезно пересказывает каждое упоминание в тексте о немецком прошлом города: от Иммануила Канта до Густава Гешке, от авианалетов 1944 г. до штурма 1945 г., от крестоносцев до фашистов. На его взгляд, автор допустил две фундаментальные ошибки. Во-первых, представил ненаучное и немарксистское объяснение природы фашизма (герой С. А. Снегова считал, что фашизм есть порождение мещанства). Во-вторых, автору ставилось в упрек проявление «политической бестактности», поскольку одно только упоминание «кёнигсбергской темы», прошлого города и его жителей в условиях окончания «холодной войны» являлось неуместным напоминанием, в котором заключалась «как бы косвенная полемика по поводу новых, послевоенных границ. А вопрос об этих границах и первые годы после войны, и в 1957 году, и сегодня, и в будущем — недискуссионный для нашего народа» [4, л. 15–16]. В заключение А. Богданов рекомендовал полностью убрать «тему Кёнигсберга», что и было сделано Снеговым.

Прочитав исправленный экземпляр, А. Богданов с удовлетворением заметил, что больше не ощущает «самого духа бывшего Кёнигсберга — города, враждебного человеку, обиталища обывателей и купцов и т. д.» [3, л. 1]. Значительная часть его замечаний была принята и привела к

существенному сокращению текста романа. Однако и на этот раз, несмотря на авторскую редактуру, рецензент снова не рекомендовал рукопись к изданию.

Представляется интересным и тот факт, что в семье писателя бытует еще одно мнение о причине сокращения романа. По свидетельству сына писателя, главы, посвященные восстановлению города или представляющие сюжетные линии, связанные с преступностью, не понравились лично первому секретарю обкома КПСС Н. С. Коновалову. В результате чего рукопись и собранные материалы были изъяты у С. А. Снегова [15]¹.

Личную причастность первого секретаря к судьбе романа, конечно, не представляется возможным доказать. Однако не секрет, что важные вопросы культурной, в том числе и исторической, политики решались партийными инстанциями от ЦК КПСС до идеологических отделов местных комитетов партии. И когда речь шла об образе Калининграда, который транслировался в том числе и за рубеж, публикация большого романа о городе не могла не привлечь внимания высшего руководства области. Кроме того, Н. С. Коновалову приписывалось личное участие в решении и других вопросов в сфере истории края, например ликвидации руин Кёнигсбергского замка, несмотря на позицию Министерства культуры РСФСР о необходимости его сохранения [2; 25].

Дальнейшая судьба романа в архивных документах не прослеживается. Многолетняя работа С. А. Снегова над романом о Калининграде завершилась публикацией версии романа, ограниченной лишь сюжетами из жизни калининградских моряков. По признанию дочери писателя Т. С. Ленской, отец не любил этот свой роман: «Я видела как он работает. Как он вычеркивает, как он ненавидит эту работу» [12]. Вычеркнутые колоритные исторические эпизоды стало возможным опубликовать в виде отрывков только в конце 1990-х гг. после смерти писателя [23; 24].

Таким образом, история процесса создания С. А. Снеговым романа «Ветер с океана» показывает, что художественное произведение может быть и продуктом политики памяти, и ее инструментом. Бесславный итог одиннадцатилетней работы писателя был напрямую связан с местной спецификой политики памяти — она не была оформлена в официальных документах и трактовалась государственными институтами и их представителями по-разному. Отсюда и общая формулировка поставленной Книжным издательством задачи: написать «роман о Калининграде». Автор, будучи творческим работником, опираясь на личные впечатления и представления о существующих рамках дозволенного, предложил вполне реалистичное описание Калининграда 1950-х гг. Однако его видение не совпало с мнением ряда ответственных работников из общественных организаций и властных институций, от которых зависела публикация романа. Понимая невозможность преодоления строгих идеологических рамок, в которых трактовалась история края, автор отказался от первоначального замысла, выпустив в 1977 г. непримечательный роман «Ветер с океана» о трудовых буднях калининградских моряков.

¹ Практику изъятия рукописей нескольких романов потомки С. А. Снегова подтвердили в личном интервью, однако не применительно к исследуемому произведению.

Список литературы

1. Балабан А. И. История и память в документальной прозе Гайто Газданова // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 171–179.
2. Белошапка Н. В. Государственное управление культурой в СССР: механизмы, методы, политика // Вестник Удмуртского государственного университета. Сер.: История и филология. 2009. Вып. 2. С. 87–103.
3. Богданов А. Рецензия на переработанный вариант рукописи С. Снегова «Ветер с океана» // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 8 л. (машинопись).
4. Богданов А. Рецензия на рукопись романа С. Снегова «Ветер с океана» // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 25 л. (машинопись).
5. ГАКО (Государственный архив Калининградской области). Ф. Р–116 (Калининградское областное книжное издательство). Оп. 1.
6. ГАКО. Ф. Р–133. Калининградская писательская организация. Оп. 1.
7. ГАКО. Ф. Р–1091. Снегов Сергей Александрович — писатель, член Союза писателей СССР. Оп. 1.
8. Глушкин О. Б. Краеугольный камень // Параллели : лит.-худ. журнал. 2008. № 4. С. 30–31.
9. Дементьев И. О. «Золотая жила» янтарного края: образы Восточной Пруссии и Калининградской области в период господства социалистического реализма // Балтийские исследования. Калининград, 2013. Вып. 7. С. 63–93.
10. Дементьев И. О. «Разделенная история»: изучение исторической политики на землях бывшей Восточной Пруссии в свете современных дискуссий // Балтийский регион. 2015. № 4 (26). С. 105–120.
11. Зверев В. В. Новые подходы к художественной литературе как к историческому источнику // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 161–165.
12. Интервью с Евгением Сергеевичем Ленским и Татьяной Сергеевной Ленской от 2 октября 2020 г. // Личный архив автора статьи.
13. Костяшов Ю. В. Политика памяти в Калининградской области, Клайпедском крае, Вармии и Мазурах в послевоенные годы: опыт сравнения // Прибалтийские исследования в России / под ред. А. П. Клемешева, Н. М. Межевича, Г. М. Федорова. Калининград, 2016. С. 190–194.
14. Кретинин Г. В. Домнау/Домново как «место памяти» // Honoris causa : сб. науч. ст., посвященный 70-летию профессора В. В. Сергеева / сост. и отв. ред. И. О. Дементьев. СПб., 2016. С. 217–224.
15. Ларочкин Е. Гибель секретаря, или Жизнь человека, который сделал все, что ему позволили // Тридевятый регион. 2011. 25 марта. С. 10–11.
16. Ленский Е. Когда б таких людей... // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 5 л.
17. Ленский Е. Что день грядущий нам готовит? // Тридевятый регион. 2008. 10 окт. С. 11.
18. Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. истории, языка и литературы. 1964. Вып. 3. № 14. С. 76–84.
19. Рыбалка И. С. Memory studies современного украинского романа // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 3. С. 107–112.
20. Серебровская Е. Проверь оружие, боец! // Литературная Россия. 1963. 5 апр. С. 10–11.

21. *Снегов С. А.* Балтийская повесть. 1968 // Из личного архива Е. С. и Т. С. Ленских. 197 л.
22. *Снегов С. А.* В поисках пути // Знамя. 1961. № 10. С. 22–71.
23. *Снегов С. А.* «Тут камни вопиют...» // Запад России. 1997. № 1. С. 43–61.
24. *Снегов С. А.* «Тут камни вопиют...» // Калининград литературный : книга для внеклассного чтения. Калининград, 2002. С. 254–264.
25. *Фостова С. А.* Дискуссия о судьбе Кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (из фондов архива Калининградской области) // Калининградские архивы. 2015. Вып. 12. С. 179–204.
26. *Шмидт С. О.* Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.

Об авторе

Сюзанна Андреевна Фостова — мл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: fostsa@gmail.com

The author

Suzanna A. Fostova, Research Assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: fostsa@gmail.com